

Оставляя в стороне гипотезы о первоначальном виде повестей, посвященных Мамаевщине, и о взаимоотношении содержащих их летописей, которое служило для исследователей одним из оснований построения генеалогии самих повестей, остановимся на литературных источниках одной из этих повестей.

Самая ранняя, так называемая «Летописная повесть» о Мамаевом побоище, основанная главным образом на схеме и стилистике летописного жития Александра Невского и частью на стилистике паримийного чтения о Борисе и Глебе, этими источниками едва ли исчерпывается. Взять, например, изображение отчаяния Мамаю: «Рече к себе Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могут огненных слез источати, языци наши связаются, гортань ми пресыхает и сердце раставает, чресла ми растерзаются, колене ми изнемогают, а руже оцепеневают». Мы отказываемся теперь видеть здесь подражание плачу Бориса по умершем отце («сердце ми горит, душа ми смысл смущает...», см. лекции А. С. Орлова, 1916, стр. 136), скорее здесь влияние отчаяния Валтасара, как оно изображено в библейской книге пророка Даниила, гл. 5, ст. 6, — например, в видении Даниила по Еллинскому летописцу: «тогда царю лице изменися и размышления его смущахуть и совузе чресл его расслабяхуся и колене его сражастася». Текст данной цитаты почти совершенно одинаков для пророчеств Даниила, как бы они ни оформлялись, в виде ли отдельной книги, или включенной в какой-либо сборник, церковный или исторический. Однако, в интересах установления круга источников «Летописной» повести необходимо было бы точнее определить, от какого оформления пророчеств зависит цитата. А для этого следует пересмотреть и другие места «Летописной» повести, где возможно заподозрить пользование чужой литературной продукцией.

Прежде всего пересмотрим лексику повести и остановимся на выражениях, необычных в летописи. Наше внимание привлекло к себе употребление термина «местный». Дмитрий Донской собрал 150 тысяч воинов «опрочно рати князей и воевод местных» (Новг. IV, стр. 77). Воеводы других областей, кроме Московской, конечно, могли бы называться «местными». Но кроме «Летописной» повести, такого применения названия в русских произведениях, ей предшествующих, мы не встречаем; впрочем И. И. Срезневский привел один случай из Литовской летописи, изданной Даниловичем, где брат Гедимины назван «местным князем» (1386 г.). Оставляя в стороне эту Литовскую летопись, по неимению сведений о ее генеалогии, продолжаем утверждать необычность термина в русской собственно летописи. В памятни-